Bermerens Arekeaugp

еномен настоящего искусства вряд ли поддается внятным объяснениям и уж абсолютно точно в них не нуждается. Вряд ли справедливо будет утверждение, что Вы сделали себе "имя в искусстве", - Вы стали его частью, течением, направлением, жанром, родившимся в Вас и ушедшим вместе с Вами - удел не просто "имени", а редчайшей индивидуальности.

Вы нашли золотую середину, Вы обосновались между сложными поэтическими конструкциями "небожителей Серебряного века" и примитивными кабацкими напевами. "Песенки" Ваши вряд ли входили в поэтические анналы - они существовали самостоятельно - но только последний чурбан мог назвать их пошлыми. Вы покоряли и очаровывали всех - от Шостаковича и Качалова до билетерш провинциальных концертных залов ("не хвалить", я помню, но это не похвала, а констатация). И сегодня Вы для нас - если не символ Серебряного века, то уж как минимум его посланник - полпред, выражаясь языком постреволюционной эпохи.

"От страха перед публикой, боясь с в о е г о лица, я делал сильно условный грим: свинцовые белила, тушь, ярко-красный рот. Чтобы спрятать свое смущение и робость, я пел в таинственном "лунном полумраке", но дальше пятого ряда меня, увы, не было слышно".

Маска должна была рассыпаться, упасть - она лишь скрывала от любопытных глаз формирование Лица. И для нас, сегодняшних, Вы - Маэстро, ломкая фигурка Лунного Пьеро колеблется лишь в ароматной дымке Серебряного века. Сегодня Вас слышно гораздо дальше пятого ряда - и будет слышно дальше двадцатого века. К Вашему голосу добавились голоса тех, кому Вы подарили жизнь, - так случилось, что мало кто из Вашей семьи нуждается в особом представлении.

Конечно же, это не случайность - вряд ли и ко всему, что Вас касается, возможно применение это-го легковесного слова. И то, что Ваш первый бене-фис состоялся в день штурма Зимнего. И то, что вернулись Вы на Родину в сорок третьем - одиночка, неподвластный потоку. Посланник...

И не случайно Ваши "песенки" довольно быстро стали явлением социальным, хотя и намека в них не было на "злобу дня", - остаются им и по сию пору.

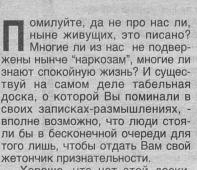

С супругой Лидией Владимировной

Никита Михалков с сыном Степаном

"Мой жанр не всем понятен. Но он понятен тем, кто много перенес, пережил немало утрат и душевных траге-дий, кто, наконец, пережил ужасы ски-таний, мучений в тесных улицах города, кто узнал притоны с умершими духовно людьми, кто был подвержен наркозам и кто не знал спокойной, застылой "уютной жизни"...

Хорошо, что нет этой доски, эти жетоны - с нами. И мой скромный жетончик - он тоже принадлежит Вам и Вашим близким.

Владимир МАРТЫНОВ

Саша Вертинская - Былинкина

P. S. Эта "верхушка" генеалогического древа семьи Вертинских - для тех, чьи жетоны признательности принадлежат ее членам. Надеемся, что те из них, кто по причине молодости нуждается в представлении, скоро перестанут в нем нуждаться.

"Нас не надо хвалить и не надо ругать. Я представляю себе нашу театральную жизнь как огромную табельную доску. Если Вам понравилось что-либо в нас, подойдите и молча повесьте на гвоздик жетончик. Если нет - не делайте этого. Восхищаться, благодарить и облизывать нас - не надо! Это портит нас и раздражает умнейших из нас. Мы святые и преступные, страшные в своем жестоком и непонятном познании того, что не дано другим. Нас не надо трогать руками, как не надо трогать ядовитых змей и богов!"

Александр Вертинский

е хвалить, не ругать, не трогать руками. Просто вспомнить, что этой весной сто пять лет минуло с того дня, как на свет явился маленький Саша Вертинский - и остался с нами, останется и с нашими потомками. Просто вспомнить, Маэстро...

Вы были настоящим мужчиной - недаром женщины Вас боготворили. Самостоятельным в суждениях и поступках, умеющим принимать решения и не бояться за них отвечать. Вы были настоящим патриотом - как ни одиозно звучит сегодня это затасканное слово. Вы любили свою Родину, и когда она не отвечала Вам взаимностью, не желали разочаровываться в своей любви. Впрочем, те, к кому Вы вернулись из эмиграции, те, для кого Вы пели, те, к кому, разменяв седьмой десяток, мотались по всей стране, презрев дорожные неудобства, - готовы были носить Вас на руках. И уж, конечно, Вы об этом знали...

"Петь я не умел. Поэт я был довольно скромный, композитор тем более наивный! Даже нот не знал, и мне всегда ктонибудь должен был записывать мои мелодии. Вместо лица у меня была маска. Что же их так трогало во мне?'

Марианна

Марианна, Борис Хмельницкий и внучки Маэстро - Саша и Даша

Даша Хмельницкая

Анастасия

Ст. Михалков с дочкой Сашей